

Воспоминания Аллы Вениаминовны Машенджиновой Психиатрия, любовь моя

Памяти А. В. Машенджиновой

*Для нас весь мир — чужбина,
Отечество нам Царское село.*

...и в гроб сходя, благословил.

А. С. Пушкин

А.В. Машенджинова (22.01.1930–24.05.2021)

Воспоминания врача-психотерапевта А.В. Машенджиновой о работе в психоневрологической больнице № 8 им. З.П. Соловьева (Соловьевка).

Ключевые слова: А.В. Машенджинова, психоневрологическая больница № 8, Соловьевка, воспоминания.

Memories of Alla Veniaminovna Mashenzhinova Psychiatry, my love

A.V. Mashenzhinova (01/22/1930–05/24/2021)

Memoirs of a psychotherapist A.V. Mashenzhinova about her work at the Z.P. Solovyov Neuropsychiatric Hospital No. 8 (Solovyovka).

Keywords: A.V. Mashenzhinova, neuropsychiatric hospital No. 8, Solovyovka, memories.

Я хочу рассказать о больнице, подобной которой в России нет, и появится она, боюсь, очень нескоро. О больнице, которая для всех, кто учился, работал, фактически, жил там, носила имя Соловьева, — несмотря на то, что скоро исполнится 64 года с тех пор, как я начала заниматься любимым делом.

У меня было очень много друзей среди писателей — Володя Войнович, Володя Максимов, Булат Окуджава, Бен Сарнов и другие, которые уже лет 25 назад говорили мне: "Напиши книгу воспоминаний". И я собиралась начать много раз, но всегда бросала эту затею. А сейчас мне предложили написать для сборника о внебольничной психиатрической помощи в Москве о моей любимой Соловьевке — психоневрологической больнице № 8. И я согласилась, тем более, что рассказать об этом замечательном учреждении, по всей видимости, больше никому.

Впервые я оказалась там студенткой пятого курса, весной 1952 года, когда вся Соловьевка утопала в сирени. Это были ужасные годы, о которых многие из вас не помнят, не знают и не хотят знать. А для нас, студентов, это время было особенно ощутимо, потому что профессор, который читал нам лекции на прошлой неделе, на следующей был уже арестован. Это была пора дела "врачей-убийц". Все наши занятия начинались с митингов: кафедра порицала своего профессора, который был "причастен" к преступлению, а потом лекцию читала какая-нибудь из его ассистенток.

Фото 1. А.В. Машенджинова
Photo 1. A.V. Mashenzhinova

Но прежде, чем перейти к воспоминаниям о больнице, я расскажу немного о себе.

В детстве я и не думала о том, чтобы стать врачом, и всегда мечтала только о театре. Я долго посещала драматический кружок, а став постарше, поняла, что актрисы из меня не выйдет — такой актрисы, какими были Орлова, Ладынина, наши звезды тех лет. Я решила поступать на искусствоведа в Московский университет. Но когда я заканчивала школу, мама и отчим (отец погиб на войне), оба врачи, насели на меня с двух сторон, уговаривая закончить мединститут, а затем, в 22 года, спокойно пойти в университет — более созревшей и подготовленной, прочитавшей много книг по искусству. Кстати, в моей библиотеке кроме моих собственных любимых книг и книг по психиатрии, остальные книги — только по искусству.

Я согласилась и поступила во 2-й Московский медицинский институт (сейчас — РНИМУ им. Пирогова). Единственным кружком, который я там посещала, был драматический. Каждый учебный год начинался с того, что студентов спрашивали, в каком они кружке, только ко мне с этим вопросом никто не обращался, поскольку меня видели на сцене во всех спектаклях. Так я доучилась до 5 курса. Тогда нам нужно было писать заявления, на какую кафедру мы пойдём, согласно выбранной специальности. Я выбрала хирургию. На эту кафедру можно было пойти свободно, а вот к лорам и окулистам было не попасть.

А потом пришла весна, и последним циклом на пятом курсе у нас началась психиатрия. Мы собрались на кафедре, с нами занимался Павел Нилович Ягодка. Очень милый человек, с ним я впоследствии проработала лет двадцать. Кафедрой заведовал Василий Алексеевич Гиляровский.

Павел Нилович говорил о психиатрии, а мы глядели в окно на солнце и сирень. Мы сидели и думали — вот пройдет 11 дней, у нас начнется сессия, а потом — каникулы. И за ними — последний курс. Вдруг Павел Нилович сказал: "Пойдемте в отделение", и повел нас в пятое мужское отделение Соловьевки. Это было отделение для беспокойных психических больных. Он дал нам наставление держаться возле него, далеко не отходить, и чтобы за спиной у нас всегда была стена или какой-нибудь студент. Он открыл дверь гранкой, и мы вошли. Тут же стояли трое больных и курили самокрутки: я обратила внимание, насколько желтые у них были пальцы, поблизости двое больных играли в домино. А потом мы попали в просторное помещение с дверями в палаты.

Одна палата была очень большой, рассчитанной человек на 10–15, вторая — маленькой, всего на три кровати; когда я уже работала в Соловьевке, ее называли Кремлевской. Дверь была распахнута в сад, в саду гуляли больные. Потом — ординаторская и процедурная. Стоял тихий солнечный день. И вдруг мы услышали слова арии "Куда, куда

вы удалились". Мы пошли на голос и в другой комнате обнаружили мужчину, который раскланялся и представился: Соби-Собинский. Тут Павел Нилович сказал, чтобы мы были предельно внимательны, так как мы побывали на спокойной половине беспокойного отделения, а сейчас пойдём на беспокойную. И вот, когда он открыл очередную дверь, мы оказались в настоящей куче кричащих, дерущихся тел. Больные лежали прямо на полу — мест в палатах не было. И два санитары. В то время не было даже аминазина.

Вот там, посмотрев на этих больных и испытав невероятно острое чувство жалости, сострадания и любви, я подумала, что буду психиатром. Так что на всех оставшихся занятиях я слушала Павла Ниловича очень внимательно.

Чтобы показать нам настоящую психиатрию, он повез нас в больницу "Матросская тишина", ведь Соловьевка принимала далеко не всех больных. Там мы оказались в беспокойном женском отделении. И тут я увидела, что наши три молодых героя — студенты, прошедшие войну, — ходили, прижавшись к стенке, а я шагала с Павлом Ниловичем по всему отделению и уже ничего не боялась. Судьба моя была решена. Я поняла, что буду психиатром.

Еще один интересный факт. В институте мне надо было переписать заявление о специализации. Я пришла в деканат, деканом был Николай Михайлович Жариков. Я попросила забрать свое заявление и написать новое, но он возразил, что приказ уже отдан и поменять ничего нельзя. После долгих безуспешных просьб я пошла к выходу, бурча себе под нос: "Вот, хочешь пойти на психиатрию..." Вдруг слышу голос: "Девочка, девочка! Ты куда хочешь — на психиатрию? Садись, пиши!" Оказалось, что Николай Михайлович был доцентом кафедры психиатрии. На психиатрии тогда было 15 мест и 8 желающих. Жариков впоследствии стал заведующим кафедрой психиатрии 1-го Московского мединститута (сейчас — МГМУ им. Сеченова).

Так я оказалась в Соловьевке. Она была открыта в 1914 году Николаем Николаевичем Баженовым, профессором кафедры психиатрии Высших женских курсов. Главным врачом был тогда С. Л. Цетлин. Это была частная психиатрическая клиника, которая называлась "На Донской", по имени улицы. В 1964 году мы с большой помпой отметили 50-летие больницы.

В Соловьевку поступали люди с начальными или мягкими формами психических болезней. Вскоре началась война, и в ней открыли госпиталь. В 1917-м году заведение было национализировано. И только в 1920-м было решено вновь открыть там психиатрическую лечебницу. В этом деле активное участие принимал начальник главного медицинского управления Зиновий Петрович Соловьев. В благодарность за помощь больницы была потом названа его именем.

Фото 2. Соловьевка
Photo 2. Solovyovka

Соловьевка была выстроена очень правильно, как мне кажется, не в пример огромным десятиэтажным корпусам, которые выросли у нее во дворе в 1970-х годах. Это были прекрасные двухэтажные домики, добротные и ухоженные, с хорошими палатами, окруженные садами. Из каждого отделения был выход в собственный садик с деревьями и клумбами.

Главным врачом больницы и заведующим кафедрой психиатрии 2-го медицинского института во времена моего студенчества был Василий Алексеевич Гиляровский. При нем впервые в России был открыт диспансер, который находился на территории нашей больницы и был ее отделением.

К сожалению, Василий Алексеевич успел прочесть нам всего лишь несколько лекций. Он говорил медленно, очень тихим голосом. Высокого роста, с огромной бородой, с лицом суровым и каким-то малоподвижным. Слушать его было очень трудно, несмотря на то, что я всегда садилась в первые ряды. Помню только один вопрос, который ему задали: "Можно ли вылечиться от шизофрении?" На что он ответил: "Человек, однажды перенесший шизофрению, до конца жизни останется шизофреником".

Однажды мы пришли на лекцию Василия Алексеевича, а ее нам читает относительно молодой профессор Кербинов Олег Васильевич. С ним я впоследствии проработала всю свою жизнь, и в какой-то книге он составил список своих учеников, куда включил и меня.

Оказывается, Василий Алексеевич был уволен со всех должностей. Впоследствии, когда времена стали другие, просочились сведения о том, что уволили его как сторонника лоботомии, хотя он был ее противником.

С ним связано еще одно знаменательное для меня событие, которое я запомнила на всю свою

жизнь. Софья Алексеевна, жена Гиляровского, работала ассистентом на кафедре своего мужа. После его увольнения она осталась в институте и как-то пригласила несколько человек из числа аспирантов и ординаторов к ним на дачу, на Николину гору. Были среди них и иностранцы.

Вообще, замечу, что Соловьевка была *alma mater* для крупнейших специалистов, которые впоследствии возглавили психиатрические институты и у нас, и в других странах — Польше, Румынии. Научным центром психического здоровья в Москве руководил А. С. Тиганов; директором НИИ психического здоровья в Томске был Валентин Семке; В. Матвеев возглавлял кафедру психиатрии в 3-м медицинском институте (сейчас — МГМСУ им. Евдокимова); Мария Васильевна Коркина руководила кафедрой психиатрии в РУДН и так далее. Эти и другие выдающиеся психиатры вышли из нашего "гнезда".

И вот мы, пока еще аспиранты и ординаторы, на даче у Гиляровских. Прекрасный теплый день, веранда. Василий Алексеевич похож на пророка со своей ровной бородой и длинными седыми волосами. Он спрашивал всех: "Молодой человек, чем Вы занимаетесь?" И они ему докладывали: я занимаюсь неврозами, и так далее. Наконец, он обратился ко мне: "Ну а Вы, девочка с косичками, чем Вы занимаетесь?" Я встала и говорю: "А я ничем не занимаюсь. Ничем. И ничем не буду заниматься. Я хочу быть просто врачом". И все. А когда мы уже собирались уезжать, Василий Алексеевич сказал жене: "Сонюшка, надо ребят чем-нибудь угостить". Она принесла бутылку вина, которой на всех оказалось по два глотка. Василий Алексеевич поднял бокал и произнес тост: "Я хочу выпить за 'просто врачей'".

Шестой курс я провела в субординатуре на кафедре психиатрии, а после окончания институ-

та осталась там же в ординатуре. Тогда она была 3 года, а не 2, как сейчас. Отмечу еще одну особенность медицинского образования в то время: после каждого пройденного цикла, мы сдавали зачеты, а уже на другой год или в другую сессию — экзамены. Таким образом, мы заучивали материал дважды. А в субординатуре мы весь шестой курс посвящали только той специальности, которой собирались заниматься в будущем. Все это позволяло нам приступить к врачебной практике достаточно подготовленными людьми. Сейчас программа медицинского образования сокращена, насколько я знаю.

Уже в ординатуре, с 1953 года, я стала подрабатывать на полставки в диспансерном отделении. Я всегда считала диспансерную работу очень важной. Для реабилитации и возвращения к самостоятельной жизни больным необходимо наблюдаться у участкового врача. Сейчас, как мне кажется, они часто "недополучают" лечение в диспансере. Дневной стационар — это также переход от больницы к нормальной жизни. Он должен быть укомплектован хорошими психиатрами, знающими о необходимости внебольничного лечения больных. Работая в диспансере, я старалась как можно меньше направлять больных в стационар, считая важным для себя вылечить больного в диспансерных условиях. Это должно быть заповедью любого участкового врача, как мне кажется... Потому что ведь это самая большая награда для доктора — видеть, как его больной исцеляется. Вот, он приходит к тебе в тяжелом состоянии, и потом день за днем, постепенно ему становится лучше. Это такая радость, такая гордость, которой не хочется делиться ни с кем, если честно...

После ординатуры я осталась работать в диспансерном отделении, поскольку главный врач сказал мне, что мест в стационаре нет, но как только что-нибудь появится, меня сразу туда переведут. Этим главным врачом был Василий Дмитриевич Денисов, человек, по-своему колоритный, ветеран еще Гражданской войны, главным достоинством которого, кажется, было то, что он никогда не мешал нам работать.

Помню как-то зашел он, случайно, по всей видимости, в первое мужское полубеспокойное отделение. Идет по коридору, навстречу заведующая:

— Здравствуйте, Василий Дмитриевич!

— О, Лен, ты чего тут?

— Так работаю!

— Чего, тут работаешь? И давно?

— Так уж десять лет, Василий Дмитриевич.

Подобных историй про него можно вспомнить много.

К врачам он относился по-отечески, да и они его не подводили. Честно сказать, он был за нашим коллективом, как за каменной стеной. Через два года появилось место в мужском санаторном отделении. Отделение было прекрасное, я до сих

пор постоянно его вспоминаю. И до сих пор ко мне приходят мои больные, которые там лежали. Больница состояла из двух одноэтажных, двух двухэтажных, дореволюционной постройки, и одного пятиэтажного корпусов. Во всех двухэтажных корпусах на первых этажах располагались отделения для тяжелых, острых больных, на вторых этажах — для больных пограничных, с мягким течением болезни. У нас было два детских отделения. Потом открылись два отделения для пожилых — женское и мужское. В административном корпусе больницы находилась кафедра психиатрии и зал, где читали лекции студентам. На первом этаже была прекрасная физиотерапия и диспансерное отделение, которое обслуживало больных Черемушкинского и Октябрьского районов.

В отдельном здании располагались кухня, дневной стационар и аптека, где готовили лекарства. Мы тогда лечили больных амитал-кофеиновыми растормаживаниями — больных недоступных, с отказом от еды, депрессивных. Такое лечение ввел в практику Павел Нилович.

У нас был замечательный дневной стационар. Им заведовала Алевтина Михайловна Воскресенская, сын ее работает сейчас доцентом кафедры 2-го Медицинского института. Больные в стационаре были заняты с утра и до вечера, пока не расходились по домам. Им предлагались всякого рода работы, творческие занятия, у них был прекрасный хор. В больнице были лечебно-трудовые мастерские, куда тяжелые больные со второй группой инвалидности, которых не брали ни на какую службу, могли приходить и работать. Они работали по дереву, по металлу, шили рабочую одежду и иногда при этом неплохо зарабатывали. Приемный покой находился на первом этаже пятиэтажного корпуса. На остальных четырех этажах были два мужских и два женских отделения. Мужское и женское отделения на втором и третьем этажах были для больных с упорядоченным поведением и желанием лечиться. А четвертый и пятый этажи занимали санаторные отделения.

В 3-м санаторном отделении на 4-м этаже я проработала 28 лет, из них 16 совмещая с работой в диспансерном отделении. Некоторые из больных, которых я лечила в нем, приходят ко мне и сейчас в 13-й диспансер. Вот я и дала более-менее полную картину того, как выглядела Соловьевка до 1974 года.

Своими учителями я считаю врачей, медицинских сестер и нянечек, которые научили меня работать, любить своих больных и даже жить ради них. У нас был удивительный коллектив. Почти все там были ровесниками, но я была моложе большинства лет на 5–10. Мы вместе отмечали все дни рождения, вместе ездили отдыхать. Я даже удивляюсь, как мы не надоедали друг другу? Ведь мы дружили всю жизнь. Из Соловьевки никто не уходил, там работали до самой смерти и в последний путь

их провожали там же. Последней, с кем я там прощалась, была Анна Евдокимовна Казанская, скончавшаяся, когда мое диспансерное отделение уже переехало на Полянку, став диспансером № 21. Гроб с ее телом стоял посреди двора, к нему подходили больные, гулявшие по территории. Повторюсь, моя благодарность врачам, сестрам и нянечкам бесконечна. Со мной до сих пор, еще с соловьевских времен, то есть, больше пятидесяти лет, работает одна медсестра, высочайшую квалификацию которой я даже не могу описать.

Заведующей седьмым отделением была Мария Ивановна Коршунова. На всю жизнь я запомнила ее черное платье, пуховый платок, открытое окно, и как она курит, а перед ней сидит больной. Она научила меня подолгу разговаривать во время приема и отучила плакать над каждым человеком, которому я ставила диагноз "шизофрения". И когда ко мне попадал пациент, не знаю, как к этому отнесутся мои уважаемые коллеги, но я понимала, что он болен, по тому, как через 10–15 минут разговора начинала его безумно жалеть и любить. Кстати, ни один консультант, которому я показывала своих больных, никогда не менял моего диагноза.

Лечили больных мы очень активно. В больнице Соловьева при Олеге Васильевиче Кербикове появился научный отдел Института высшей нервной деятельности Академии медицинских наук. Здесь же базировалась группа от Института Сербского, а потом и от кафедры психиатрии института РУДН, потому, что наш доцент, Марья Васильевна Коркина, стала там профессором.

В больнице проводили научные конференции, где выступали с докладами лучшие психиатры Москвы. У нас было прекрасное логопедическое отделение для детей. Там были замечательные дети и два логопеда, совершенные энтузиасты своего дела, сестры Власовы.

Много лет у нас работал профессор Иван Васильевич Стрельчук, нарколог. У него была своя группа: ординаторы, аспиранты, которые тоже работали в наших отделениях. В моем отделении лечилось много артистов, писателей, в том числе, страдавших алкоголизмом. Так вот, Иван Васильевич очень активно привлекал нас к работе наркологов. Считал, что мы обязательно должны знать все тонкости этой профессии. Тогда он очень увлекался лечением больных ликоподием.

У одного из пациентов я с помощью ликоподия выработала рефлекс: его начинало тошнить, как только он услышит стук моих каблучков. С тех пор я, к удивлению своих коллег, очень любила лечить больных, страдавших алкоголизмом. И всегда считала, что у меня "легкая рука", потому что среди моих пациентов есть те, кто не пьет уже десятилетиями.

Среди известных и талантливых людей, которые лечились у нас в больнице и лично у меня,

я могу назвать, например, Владимира Высоцкого и Владимира Басова. Они никогда этого не скрывали, поэтому я спокойно говорю об этом.

О всех событиях, происходящих в стране, я узнавала в Соловьевке. Полетел Гагарин — в Соловьевке. Кого-то хоронят — у телевизора выстраиваются ряды, как в кинотеатре, оставляют место и для меня. Как-то раз сижу я в кабинете, пишу дневники, вдруг врывается больной: "Алла Вениаминовна! Несут, скорее!" Мы любили ездить отдыхать всей больницей. Как-то полетели в Ташкент, и все заведующие отделениями были на борту. Провожая меня, муж смеялся: "Вся психиатрическая Москва мечтает работать в Соловьевке. А тут, один самолет упадет, и все места свободны!"

И вот настал 1974 год, который мы запомнили на всю жизнь. Через несколько дней после того, как мы вернулись из совместной поездки по Белоруссии, к нам пришел новый главный врач, Владимир Семенович Чугунов (В.Д. Денисов ушел на пенсию за год до этого). Алевтина Михайловна Воскресенская, которая, как я уже говорила, была замечательной заведующей дневным стационаром, говорила: "Разбуди меня среди ночи, и я назову две самые страшные даты в своей жизни, — а она воевала! — это будут 22 июня 1941 года и 18 апреля 1974 года, когда у нас появился В. С. Чугунов".

Он был невысокого роста, с плоским лицом, стеклянными глазами, спортсмен. Занимался какими-то восточными единоборствами, не дзюдо. Хитрый, злобный и злопамятный. Это проявилось очень скоро: у нас даже кто-то написал на проходной — "грядет 37-й год". И это было верно. С той поры начались в Соловьевке изменения, которые привели к ее уничтожению.

До этого Чугунов работал в Подмоскowie. За городом он поменял несколько больниц. И отовсюду уходил с криминальным хвостом, с судебными делами. Но никогда не привлекался, потому что за него всегда отвечали заместители по хозяйственной части, которых он назначал из числа больных. То же самое он проделал и у нас. Кроме того, у него были и высокие покровители — председатель исполкома Моссовета В.Ф. Промыслов и первый секретарь горкома В.В. Гришин, которые, собственно, и «подарили» ему нашу больницу за какие-то «особые» заслуги.

Диспансерное отделение, которым заведовала Ирина Яковлевна Сапожникова, отделилось от больницы и стало самостоятельным психоневрологическим диспансером № 21 на Малой Полянке, куда вместе с Ириной Яковлевной ушли все заведующие, все лучшие врачи и сестры больницы им. Соловьева. Я не сразу ушла из Соловьевки. Мне казалось, что если я брошу свое третье отделение, я просто умру. Но однажды в нашем отделении арестовали человека, здорового человека, который был здесь только затем, чтобы уйти

от ареста. И когда я сказала при лейтенанте, который пришел за "больным": "Какой ужас!", он мне ответил: "А что — ужас? Мы в вашей больнице в неделю пару раз бываем". После этого я ушла в диспансер к Ирине Яковлевне, где в мою честь устроили банкет, как "последнему из Могижан". С 1985 года я постоянно работаю в диспансере.

Диспансер на Малой Полянке стал лучшим в Москве. Ирина Яковлевна сама, поскольку она была депутатом райсовета и заседала в жилищной комиссии, выбрала дом — старинный особняк со «службами», где когда-то жили А.А. Фет и В.О. Ключевский, расселила оставшихся там жильцов и, как архитектор, нарисовала, что, где и как ремонтировать. 1 июля 1976 года диспансерное отделение уже существовало отдельно от больницы, и к нему прикрепилась Октябрьский и Черемушкинский районы, которые не имели собственного диспансера. Ирина Яковлевна Сапожникова заведовала диспансерным отделением, а потом и диспансером, пятьдесят лет. За это время у нее не было ни одного больничного листа. Даже когда она умирала, она брала не больничные листы, а неиспользованные дни отпуска. Она знала шесть или семь иностранных языков, переводила с немецкого и французского книги по психиатрии, которые продолжили публиковать и после ее смерти. Ей было абсолютно все равно, с кем она разговаривает — с грузчиком, нянечкой, врачом или министром, все для нее были равны. Когда она умерла, кто-то из врачей поинтересовался, можем ли мы писать ходатайство о присвоении нашему диспансеру ее имени. Ответом было: "Нельзя".

Наш диспансер прекрасно функционировал до тех пор, пока его в 2013 г. в один день не перевели в 13-й диспансер, где я работаю сейчас. Нас переводили со скоростью, которая необходима для эвакуации людей из зала ожидания аэропорта или здания вокзала. В течение пары дней мы собрались и переехали. Здание же на Полянке, вместо обещанного ремонта, ожидало только запустение и висающие замки. Можно поблагодарить коллектив 13-ого диспансера за терпение и приветливость, когда им на голову свалилось столько народа и столько вещей, а им пришлось потесниться. Нас приняли очень хорошо.

Напоследок скажу: я твердо убеждена, что психиатром надо родиться. Человек, который не любит людей, не сможет стать психиатром. Если у него нет интереса к окружающим людям вообще, то не будет интереса и к своему больному. Я знаю людей, которые считаются хорошими врачами. Они делают все правильно, по стандартам. Но они никогда не станут настоящими врачами.

Еще одна вещь — психиатр обязательно должен быть широко образованным человеком и стремиться узнать, как можно больше. Потому что никогда не знаешь, с какой стороны получится подойти к больному. Ты можешь заводить разговор

Фото 3. А.В. Машенджинова
Photo 3. A.V. Mashenzhina

об одном, втором, третьем, а потом упомянешь хоккей с мячом — и вот уже у него загорелись глаза, и он начинает говорить.

Я хочу еще раз выразить благодарность всем тем, у кого я училась — всему коллективу Соловьевки, который я буду помнить до последнего дня своей жизни.

И пожелать здоровья своим больным.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. В. МАШЕНДЖИНОВОЙ

В 1953 году закончила 2-й Государственный Медицинский Институт им. И.В. Сталина, г. Москва по специальности "врачебное дело".

1953–1956 гг. прошла ординатуру по специальности "психиатрия".

С 1953 по 1985 год работала врачом-психиатром в ПБ № 8 им. З.П. Соловьёва.

С 1985 по 2013 год работала врачом психиатром-психотерапевтом в ПНД № 21, г. Москва.

С 2013 по 2021 год работала психотерапевтом психиатрического кабинета, Филиал ГБУЗ г. Москвы ПКБ № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗ ПНД № 13.

Высшая категория по психиатрии 1970, 1983 г.

Высшая категории по психиатрии и психотерапии 1988, 1993, 1998, 2003 г.

Высшая категория по психотерапии 2008, 2013 г.

Проходила специализацию каждые 5 лет.

Общий врачебный стаж 67,5 лет.

По специальности врач-психотерапевт работала 36 лет.

А. В. Машенджинова
(22.01.1930–24.05.2021).

Ушла из жизни в возрасте 91 года. Практически до последнего дня Алла Вениаминовна работала врачом в психоневрологическом диспансере № 13, являлась одним из старейших, практикующих психотерапевтов г. Москвы.